

Пьяных Елена Павловна

**ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК ОПЫТ
ОСМЫСЛЕНИЯ "ДРУГОГО"**

Цель данной статьи - выявление особенностей отечественной философии советского и постсоветского периода. Автор исходит из понимания философии как бытия свободно рефлектирующего сознания (духа). Анализ соответствующего философского дискурса позволяет сделать вывод о том, что данная философская культура - это не культура самосознания, подобно европейской. В ее основе полагается "Другой" - некая внеположенная инстанция, придающая смысл существующей реальности, оправдывающая некий порядок вещей. В качестве "Другого" можно рассматривать и марксизм советского образца, и либеральные идеи, и православие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 108-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1

Философские науки

Цель данной статьи – выявление особенностей отечественной философии советского и постсоветского периода. Автор исходит из понимания философии как бытия свободно рефлектирующего сознания (духа). Анализ соответствующего философского дискурса позволяет сделать вывод о том, что данная философская культура – это не культура самосознания, подобно европейской. В ее основе полагается «Другой» – некая внеположенная инстанция, придающая смысл существующей реальности, оправдывающая некий порядок вещей. В качестве «Другого» можно рассматривать и марксизм советского образца, и либеральные идеи, и православие.

Ключевые слова и фразы: философия; российская философия; свобода; дискурс; «Другой»; самосознание.

Пьяных Елена Павловна, к. филос. н., доцент
Уральский государственный университет путей сообщения
lena.cogito@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ «ДРУГОГО»

Место философии в культурном пространстве определено давно и, на наш взгляд, достаточно точно: «душа культуры», «дух народа», а значит, средоточие всего культурного, прежде всего духовного опыта. Философ, по определению Ф. Ницше, есть «создатель ценностей»: настоящие философы «суть повелители и законодатели, они говорят: “так должно быть!”; они-то и определяют “куда?” и “зачем?” человека... они простирают творческую руку в будущее» [5, с. 335].

Вопрос о том, чем заполнены страницы русской философии, какими смыслами и ценностями и в чем вообще специфика русского философствования, слишком глобален. В рамках данной статьи мы очертим несколько иное поле: самоопределение отечественной философии в советский и постсоветский период.

Интерес именно к этому временному отрезку неслучаен. Обычно внимание исследователей в данной области привлекает русская философия рубежа XIX–XX вв. – философия Серебряного века. Это, действительно, феномен, но, по нашему мнению, средневековый: в указанный период суть философии состояла в ее религиозности. Философский дискурс практически совпадал с религиозным, эту его особенность отрицать трудно. Совсем другое дело – советская (марксистская) философия и свободная (?) – поставим здесь знак вопроса – современная философия.

Определимся с точками отчета: во-первых, как будет пониматься (трактоваться) философия и философствование вообще и, во-вторых, какая методология размышления будет применена?

Что касается выяснения термина «философия», то уместно повторить за классиками: это – «законодательница разуму» (Кант) [1, с. 3], имеющая дело с тем, что есть, и с тем, что будет; это – «самоуразумение духа» [3].

При всех различиях в подходах к определению философии несомненно одно: философия имеет рефлексивную природу. Это мысль, впервые направившая «свой рефлектирующий взор на *самое же мысль*» [7, с. 177]. При этом рефлексия эта свободна и бескорыстна.

Методологические основания позаимствуем у Ж.-П. Сартра. Как известно, Сартр полагал свободу сутью человеческого бытия, такого бытия, которое есть бытие сознания, рефлексивное по своей природе. Сознание – это рефлексия, и потому бытие сознания состоит в том, чтобы задаваться вопросом относительно собственного бытия. Рефлексивное сознание способно сделать предметом само переживание рефлексии.

Таким образом, философия – это бытие свободно рефлектирующего сознания (духа). Вспомним Гегеля: «...для появления философии необходимо сознание свободы» [1, с. 13]. Сартр называл свободу «трещиной бытия» [6]. Гегель связывал появление этой «трещины...» с расцветом действительной политической свободы, когда «самостоятельный индивидуум, как индивидуум, знает себя всеобщим и существенным, где он обладает бесконечной ценностью, или, иначе говоря, там, где субъект достиг сознания личности» [1, с. 13–14].

Итак, философия как свободная и бескорыстная рефлексия исторически и логически заполняет образовавшуюся «трещину бытия».

Формы философствования, конечно, различны. Их многообразию предопределено историческим социокультурным контекстом, особенностями личности философствующего субъекта, запросами эпохи.

Идеальных философских систем не существует, но есть некие эталоны философствования. Европа с античных времен давала классические образцы «любви к мудрости», обнаруживая в последних и самостоятельность мышления, и стремление к образованию целостного мировоззрения: «Демокрит, Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Локк, Юм, Кант, Фихте, Гегель, Конт создали системы подобного рода. Все они отмечены общими признаками, и наше мышление может отыскать в них масштаб для выяснения того, насколько и другие системы могут быть включены в область философии» [3].

В европейской культуре всегда существовала мощная самостоятельная научно-философская школа, вырабатывающая мировоззрение и метафизический дух нации. Европейская культура строилась на постепенном

развитии рационального начала. Даже иррационализм, хотя и представляет собой альтернативу традиционной рациональности, вырос, по сути, из тех же корней. В терминологии Сартра европейскую философию можно охарактеризовать как Бытие-для-себя, свободно полагающее себя в будущее. Последнее возможно только за счет критического осмысления своих оснований. XX век породил новые «-измы» (экзистенциализм, позитивизм, структурализм и др.), всевозможные «нео-» и «пост-». Что же на этом фоне Россия?

Русская философия, начав свою историю в XIX веке, до сих пор не определилась ни в своих традициях, ни в основаниях. С одной стороны, «русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой» [4, с. 12]. С другой стороны, «целые поколения попадали в плен Западу, в страстное и горячее следование его созданиям и исканиям; Россия вообще отвечала живым эхо на то, что совершалось на Западе...» [Там же]. Это не означает, что собственные традиции и основания в отечественной философии отсутствуют. Они совершенно иной природы, нежели европейские. XX век наглядно демонстрирует это.

Бытие российской философии в XX веке можно разделить на два отрезка (или две формы): «до свободы» и «во время свободы».

Философия «досвободного» периода – это так называемая советская (марксистская) философия, пришедшая на смену религиозной философии Серебряного века. Принято считать, что нашей страной с 1917 года управляли марксисты-ленинцы, вооруженные соответствующей идеологией. В реальности представители советской бюрократии не являлись знатоками марксистского учения. Оформлением соответствующего идеологического дискурса являлись профессиональные идеологи в лице преподавателей кафедр марксизма и истории КПСС вузов и партийных школ. Указанные кафедры четко выполняли идеологические функции обоснования и поддержки существующего социального порядка, легитимации политического режима.

Философия эпохи «застоя» сводилась к критике современной буржуазной (в основном западно-европейской) философии и опровержению с позиций диалектического и исторического материализма суждений буржуазных философов. Диалектический и исторический материализм представлял собой не что иное, как сознательно используемое оружие в борьбе с внутренним и внешним врагом. Другим оружием того же порядка являлся научный коммунизм.

Точно характеризует состояние философии «досвободного периода» следующая цитата: «Ситуация в философии особенно безрадостна. Философия, то есть диамат и его предшественники, – обязательный предмет на всех философских факультетах вузов, но трудно найти хотя бы одного преподавателя, с которым можно было бы сколько-нибудь интересно поговорить на философскую тему... Преподаватели философии... циничные священники наших дней. Преподавание диамата превратилось в механическое повторение текстов, значение которых постепенно полностью улетучилось, ибо они, как святыня, не подлежат ни обсуждению, ни, тем более, какому-либо применению – помимо ритуально-обрядового – к другим дисциплинам. И специалисты по этой официальной мифологии, и их слушатели одинаково сознают ее полную никчемность. Их философские занятия – своего рода фарс» [2].

Приходится констатировать факт: марксизм в его советской обработке не есть один из тех «измов», которыми гордится человечество. Советский вариант учения Маркса не только набор цитат, призванных сопроvozждать и поддерживать официальную идеологию. Это действительно целое представление с конкретными участниками (вся философская рать того периода за редким исключением), ролями, атрибутами и антуражем. И сейчас затруднительно определить, где начинался и заканчивался Маркс в советском философском дискурсе и где начинался и заканчивался этот самый дискурс.

Но это было в «досвободный период». В начале 1990-х наступил «период свободы», в том числе свободы политической, являющейся, по Гегелю, важным условием развития философской рефлексии.

В данный период Маркса не то чтобы отменили, а как бы лишили пьедестала, на который он официально был возведен. Стало возможным свободно мыслить, творить не только вне идеологической цензуры, но и по ту сторону Маркса. Ведь сознание проективно, оно должно быть заполнено мыслями, целями, идеями, теориями, планами. Природа философии в том и заключается, что она (философия) осознает себя в качестве сознания, рефлектирующего и познающего реальность. Поскольку упразднилась существовавшая под маской философии идеологическая парадигма марксизма и требовалась осмысления новая социально-политическая реальность, стоило ожидать появления новых теорий, способных анализировать себя в мире и мир в себе.

Творчество по большому счету не состоялось. Марксизм перестал быть идеологической доминантой, но не наметился «преемник», способный заполнить образовавшийся идейный вакуум. Не появилось и философии, которую можно было бы узаконить с помощью всем понятного названия. Такого, как «немецкая классическая философия» или «философия французского Просвещения».

То, что претендует на звание «современной российской философии», – искусственный конгломерат различных идей, концепций, теорий. Оставаясь способом самовыражения, она не обладает внутренней целостностью, не предлагает взаимосвязанную систему представлений о чем-либо, из которой вытекает определенная жизненная позиция и жизненный выбор. Обнаружился дефицит собственных идей. Вживание в роли идеологов-пропагандистов оказалось тотальным. Квазифилософская маска приросла.

Парадоксален тот факт, что идеологический дискурс советской философии не трансформировался в аналогичный дискурс философии постсоветской. В западноевропейской философской культуре существует некая преемственность: новые идеи являются либо развитием предыдущих, либо их логическим отрицанием. Так, средневековая схоластика использует античные теории; Возрождение, опровергающее многие теологические концепции, в свою очередь, заканчивается западноевропейским рационализмом; последний

отвергается иррациональными теориями и т.д. При всем многообразии обнаруживается определенная логика развития философского дискурса. И это логика самопознания, самосознания европейской культуры, дающая жизнь не только новым философским жанрам, но и идеологическим течениям (либерализм, консерватизм, социал-демократизм немислимы без соответствующей философской подготовки и обоснования).

На российской почве преэминентности не обнаруживается. Философской и идеологической модернизации одновременно с модернизацией политической и экономической не произошло. Идеологический опыт советского периода ушел в прошлое, не оставив «преемника». В итоге – идейный вакуум на десятилетия, бесплодные поиски национальной идеи, увенчавшиеся сравнительно недавно провозглашением патриотизма в качестве последней. Можно считать патриотизм национальной идеей или идеологией, но его природа в данном контексте имеет не философский, а политический смысл.

Вернемся к методологическим основаниям данной статьи. Если европейская философия была обозначена нами термином Сартра «Бытие-для-себя», то бытие российской философии XX века может быть определено (в той же терминологии) как «Бытие-для-другого». Основанием такого бытия является «Другой» (иная суть) – одна из фундаментальных категорий человеческой мысли. «Другой» есть объективированное самосознающее сознание. Посредством «Другого» осуществляется акт самосознания: я постигаю самого себя как «самость». «Другой» конституируется вместе со мною самим и переживается как инстанция, придающая смысл моему существованию. В данном контексте «Другой» может быть интерпретирован любым образом: социальная система, власть, народ и т.п.

Российская философская культура – это не культура самосознания, подобно европейской. Самосознание и самопознание – добродетели европейские, возникшие в античности. Потому и не состоялась «трещина в бытии», что свободу, по крайней мере в интересующей нас области, заместили поиск и выбор «Другого». Если в советский период «Другим» был Маркс, превратившийся в набор ритуальных цитат, то в 90-е годы XX века ему на смену пришли либеральные идеи: индивидуализм, свобода выбора, парламентаризм, рыночные ценности и др. Либеральный дискурс как новый «Другой» оказался неприемлемым для значительной части россиян, чье сознание развернулось в сторону традиционных консервативных ценностей, официально провозглашенных властью в оболочке патриотизма. «Другим» можно назвать и православие, возрожденное волей государства.

Причины данной ситуации требуют отдельного исследования. История свободы в России не столь обширна и насыщена, чтобы можно было говорить о складывании условий для роста сознания «Я». Процесс этот занимает века. Философия «Другого» служит восполнением своеобразного рефлексивного вакуума, одной из причин которого является недостаток или отсутствие условий для свободомыслия. «Трещина бытия» заполнится только в том случае, если отдельный индивидуум осознает себя в качестве самодостаточной личности, причем личности (критически) мыслящей, оценивающей, целеполагающей.

Список литературы

1. **Алексеев П. В., Панин А. В.** Хрестоматия по философии: учеб. пособие. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Гардарики, 1997. 576 с.
2. **Берлин И.** История свободы. Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1329120977.pdf> (дата обращения: 19.09.2016).
3. **Дильтей В.** Сущность философии. Введение [Электронный ресурс]. URL: <http://esxatos.com/filosofia-v-sistematicheskomi-zlojenii> (дата обращения: 11.09.2016).
4. **Зеньковский В. В.** История русской философии: в 2-х т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. 221 с.
5. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 238-406.
6. **Сартр Ж.-П.** Бытие и ничто [Электронный ресурс]. URL: <http://knijky.ru/books/bytie-i-nichto> (дата обращения: 16.09.2016).
7. **Шпет Г. Г.** Мудрость или разум // Хрестоматия по философии: учеб. пособие / сост. П. В. Алексеев, А. В. Панин. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Гардарики, 1997. С. 173-201.

PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD AS EXPERIENCE OF INTERPRETING “THE OTHER”

P'yanykh Elena Pavlovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Ural State University of Railway Transport
[lena.cogito@yandex.ru](mailto:lana.cogito@yandex.ru)

The article aims to identify the specifics of the domestic philosophy of the Soviet and post-Soviet period. The author considers philosophy as the existence of freely reflecting consciousness (spirit). The analysis of the appropriate philosophical discourse indicates that this philosophical culture, unlike the European one, is not a self-consciousness culture. It is based on “the Other” – some primordial substance imparting meaning to the existing reality, justifying the order of things. Soviet Marxism, liberal ideas and Orthodoxy can also be interpreted as “the Other”.

Key words and phrases: philosophy; Russian philosophy; freedom; discourse; “the Other”; self-consciousness.